

Магомед Ахмедов. Эпоха бездорожья. — Перевод с аварского Нины Маркграф. Ярославль: ИПК “Индиго”, 2017.

Если бы книга “Эпоха бездорожья” вышла в Ярославле тридцать-сорок лет назад, в этом не было бы ничего удивительного. Действительно, поскольку Магомед Ахмедов — известный поэт, так что же странного в том, что его стихи в очередной раз перевели с аварского языка на русский и издали? Но времена меняются, и, к сожалению, сейчас выход книги дагестанского поэта не в Махачкале, не в Москве и даже не в Питере, а в Ярославле, пусть и тиражом всего лишь 500 экземпляров, — это редчайшее событие.

Как правило, внутри регионов публикуются местные авторы, иногда — представители соседних областей и республик, и крайне редко случается такое, чтобы в центральной России вдруг был издан поэт из далёкого Дагестана, равно как и из Чечни, Сибири, Владивостока и т. д. Разобщённость литературного пространства, утрата читательского интереса к поэзии — давно известная примета наших дней. Как заметил сам Магомед Ахмедов в одном из интервью: “Мы, к сожалению, живём в такое время, когда люди, даже если и читают книги, то всё равно не запоминают стихи наизусть” (Мелёхина Н. Другой Дагестан. // Вологда. РФ. — 2018. — 15 августа). В своём творчестве он выражает эту мысль со всей прямотой горца: “Это мутное в потёках тёмных время // нас шельмует, ставит на колени”.

“Эпоха бездорожья” — главный объединяющий образ всего сборника. Он, будто нить молитвенных чётков, на которой держатся бусины-стихотворения. Книга Магомеда Ахмедова сродни молитве Всевышнему о будущем не только Дагестана, но и всей нашей страны. Пафос “Эпохи бездорожья” — острая и болезненная любовь к Родине. Слово “пафос” здесь употребляется в прямом, а не переносном значении, то есть как литературоведческий термин, которым обозначают эмоциональный настрой произведения, определяющий его общую тональность. “Он не представляет свой Кавказ в отчуждении от России, воспринимает себя истинным россиянином, которому дорога вся великая русская культура”, — не случайно указывает во вступительном слове к этой книге Владимир Бондаренко.

В понимании Магомеда Ахмедова, “эпоха бездорожья” — это отсутствие гармонии и смысла, причём как в обществе, так и в душе человека: разброд, войны и суэта внешнего мира проецируются на внутренний мир лирического героя. Например, по целому ряду стихотворений из раздела “На границе

совести” становится совершенно ясно, что военные конфликты и теракты, которые после развала СССР то и дело сотрясают юг России, болью отозвались в сердце автора. Мало того, “рождённый в СССР” Магомед Ахмедов и саму гибель некогда великого государства воспринимает как трагедию. Он показывает это с помощью классических художественных образов кавказской культуры. Скажем, часто встречается в его стихотворениях образ убелённого сединами благородного воина:

*Зову я друга:
— Приготовься, воин!
Умрём за Родину.
Ты слышишь мой приказ?
А он седой качает головою:
— Ты спянул, друг.
Нет Родины у нас.
(“Война”)*

“Нет Родины у нас” — эта мысль звучит не только в “Эпохе бездорожья”. Это постоянный мотив в позднем творчестве Магомеда Ахмедова. Показательно стихотворение “Милая ласточка...” из книги “Посох и чётки” (Ахмедов М. Посох и чётки. — М.: Издательство “Э”, 2015). Очевидно, что, когда некоторые люди говорят о развале Советского Союза как о каком-то исторически закономерном и даже радостном событии, поэт разделить эту радость не может. Ликование по поводу гибели Отчизны кажется ему неестественным, противным природе:

*Милая ласточка каждой весной говорит мне о том,
Какое это большое счастье —
маленький глиняный дом.
Птичка боится, что домик разрушится и уйдёт во тьму.
Почему же люди радуются тому,
Что распалась Отчизна, созданная трудом
Наших дедов и прадедов? Почему?*

Чтобы до конца понять силу этого образа — ласточки, хранящей своё гнездо, — следует помнить, что у горцев ласточка — это священная птица, которой позволено выводить птенцов даже внутри человеческих жилищ. Разрушить гнездо ласточки, даже если птица, мешая людям, совьёт его не на улице, а внутри самого дома, — это грех перед Аллахом и людьми.

В “Эпохе бездорожья” ещё отчаяннее и пронзительнее звучит стихотворение “Воздух пахнет снегом или кровью?” В нём осознание беззащитности человека перед всемогущим жестоким временем перемен, которое уничтожает всё на своём пути:

*Время — сапогами по обломкам,
по спине солдатским вещмешком.
Что ему до предков? До потомков?
Время не заплачет ни о ком.*

На самом деле эти строки могут быть прочитаны на любом языке в любую эпоху. Не важно, какая дата в календаре, они будут поняты и приняты каждым человеком, размышляющим о судьбе своей семьи, своих предков и потомков. “Всю свою жизнь поэт пишет свой автопортрет на фоне времени, своей судьбы и своего пути. Чтобы написать верный образ, у поэта должен быть слух, чутьё и третий глаз. Языковое чутьё — самое острое чутьё для поэта. К сожалению, при переводе многое теряется, но, как говорится, из воды масло не собьёшь. Если нет поэзии в оригинале — это обязательно будет видно и в переводе. В настоящей поэзии звучат в лад голоса разных эпох, переключаются разные традиции. А традиция для меня священна”, — пишет Магомед Ахмедов.

В “Эпохе бездорожья” достаточно прочитать раздел “Высокой воле гор...”, чтобы понять, что слова “традиция для меня священна” — это один из

творческих девизов автора. К примеру, переживая об утрате родных языков Дагестана (молодёжь с каждым годом знает их всё хуже и хуже), поэт фактически даёт завет потомкам и снова делает это предельно прямо и ясно, без лишней витиеватости:

*Как мать свою
вы бросить не смогли бы,
о, не бросайте, люди, свой язык!
Пой на аварском, девочка Гуниба,
тост по-аварски говори, старик!
("Аварский язык")*

В ауле Гонода Гунибского района родился поэт. Дагестанские топонимы (Гонода, Гуниб, Седло-гора и другие) не раз появляются в его стихотворениях в сочетании с неизменными образами горянок, ледяных рек, горных вершин, ласточек, журавлей и орлов и т. д. Автор вновь и вновь возвращается к ним и не стесняется признаваться в пристрастии к классике, хотя, возможно, в современной литературе такая безоговорочная верность традициям кому-то покажется анахронизмом. Однако не будем забывать, что Магомед Ахмедов осознанно спорит в своём творчестве с "эпохой бездорожья":

*Чернеют речные пороги,
потоки с осколками льда,
куда бы ни шёл —
все дороги
приводят в аул Гонода!
("Точка отсчёта")*

Так упрямо заявляет поэт о своей верности Родине в век, когда в поэзии говорить о любви к ней вслух, прямо и ясно вроде бы как и не принято.

Третий раздел книги — "Вещим пером". Здесь объединены стихотворения, наполненные поисками смысла бытия. В этих исканиях автор часто обращается к Богу. Очень любопытно здесь стихотворение "Гамлет". На извечный вопрос: "Быть иль не быть?" — Магомед Ахмедов даёт ответ как истинный мусульманин:

*Быть иль не быть —
не знает ни Шекспир,
ни Призрак, упомянутый не к ночи;
то ведает Творец, создавший мир.
Не хочешь ли спросить?
Но Гамлет — нет, не хочет.*

Особого упоминания заслуживает оформление книги "Эпоха бездорожья": в нём изящно и с большим вкусом использованы рисунки Михаила Лермонтова — фрагменты поединков между царскими офицерами и горцами, конные погони и горные пейзажи. Иллюстрации очень точно соответствуют образному ряду и эмоциональному настрою всей книги.

"ГЛЯЖУ Я НА МИР — ОН ПРЕКРАСЕН, КАК РАЙ!"

Саират. Рубаи. — Перевод с лезгинского Мамеда Халилова. М.: LIFFT, 2018.

Скажи слово "рубаи", и многие назовут имя Омара Хайяма, а знатоки восточной литературы, возможно, вспомнят Мехсети Гянджеви, Хейран-Ханум, Абу Абдаллах Рудаки, Захириддин Бабур и Амджад Хайдерабади. Но попроси привести примеры из творчества современных поэтов России, и ряд замкнётся на единственном имени — Саират.

"Первые классические рубаи на лезгинском языке засвидетельствованы в творчестве поэтессы XII века Зейнаб Хиневи. Доктор филологических наук

К. Х. Акимов полагает, что её стихотворения “ничем не уступают рубаи известных восточных поэтов”. Последние классические рубаи на лезгинском языке засвидетельствованы в творчестве поэтессы XXI века Саират. Художественная ценность рубаи Саират и Зейнаб Хиневи в искусной концентрации сравнений. Обе дамы остры на язык”, — пишет во вступительном слове к книге Маргарита Аль, главный редактор издательского проекта “LIFFT”.

Без “концентрации сравнений” в этом жанре, пожалуй, не обойтись. Из-за краткости формы (четверостишие) от автора требуется виртуозное умение обыгрывать, как правило, всего лишь один центральный образ. Например:

*Рос на земле, гордясь собой, нарцисс,
Забыв о чести, не хотел смотреть он вниз.
Но тенью собственной от света солнца скрытый,
Упал на грядку он, и в этой грядке скис.*

Здесь сравнение нарцисса с самовлюблённым человеком не выражено явно (само слово “человек” и вовсе не используется), однако мы все прекрасно понимаем, что речь идёт не только об увядшем цветке. С момента своего возникновения рубаи зачастую содержат некий нравственный посыл, чаще всего соответствующий представлениям о морали в духе исламского вероисповедания. У Саират назидание может быть скрыто с помощью искусных сравнений и метафор, а может выражаться предельно ясно.

Напомним, что в жанре рубаи такая прямота ценится и приветствуется, потому что краткость формы подразумевает и предельную ясность изложения авторской мысли. Однако далеко не все поэты способны дать назидание кратко и точно, да так, чтоб оно легко запомнилось, подобно тому, как легко запоминаются пословицы или афоризмы. У Саират это неизменно получается. В русском переводе Мамеда Халилова не случайно часто используются глаголы в повелительном наклонении, что предельно усиливает дидактический эффект: “Бойся тех, кто говорит: я лучший самый. // Их вина, что в этом мире драмы”; “Ты не требуй в ответ у других состраданья, // Если сам своих бедствий ты злой господин”; “Мы разумом своим гордиться все должны, // Друг в друга и в весь мир влюбиться мы должны!” и т. д.

Но рубаи — это не только назидания, традиционны — это ещё и способ познания мира, а также человеческой сущности. В осмыслении Саират человек хрупок, подвержен напрасной суете, в которой незаметно сгорает и без того краткая жизнь:

*Распустилось сердце мальвою садовой,
Рдеет нежным бархатом цветок бедовый.
Слишком ты нежна и слишком лучезарна —
Ты завянешь скоро на земле суровой.*

Во многих рубаи Саират так или иначе звучит этот печальный мотив утраты рая (или райского сада, райского цветника). “Её мир глубоко субъективен... в чём можно убедиться, читая лаконичную исповедь поэтессы, местами возвышающуюся до эмоциональных высот частных дневниковых записей. Творчество Саират, бесспорно, относится к редким явлениям национальной литературы, оно обращено на самоё себя и напоминает непрерывный внутренний монолог, раскрывающийся неожиданными гранями мысли и многоцветным спектром чувственных переживаний человека, живущего в открытом обществе и при этом остро ощущающего одиночество”, — пишет рецензент Ризван Ризванов в лезгинском культурном журнале “Алам” (Ризван Ризванов. “Момент истины для лирического героя”).

Непреходяще и ощущение, что поэтесса ведёт внутренний монолог в абсолютном одиночестве, прерываемом лишь обращениями к Богу. В её рубаи сплошь и рядом встречаются обращения к себе самой, а также упоминания себя в третьем лице:

*Гляжу я на мир — он прекрасен, как рай!
Садами цветущими славен наш край.
Одно Саират огорчает сегодня,
Что люди исчезли — собачий тут лай!*

Несмотря на крайнюю субъективность и персонализацию ощущений, чувственный мир поэтессы будет понятен и близок многим её читателям, ведь Саират говорит в основном о вечных вопросах бытия, таких как бесконечное разнообразие жизни и неминуемость смерти:

*И радость, и горе познать нам дано —
Что делим? Нас всех ожидает одно,
В давьильне одной виноградины давят —
На кладбище вновь нам сойтись суждено.*

И конечно, по сложившемуся поэтическому обычаю для мусульманина рубаи — это форма обращения к Всевышнему. Читаем у Саират:

*Взираю молча на времён хромую клячу,
И что с того, что не стенаю и не плачу?
Всю жизнь Тебе, Творец, служила я покорно,
Сними с души проклятье, дай и мне удачу!*

Обойти вниманием творчество Саират, говоря о литературе Дагестана, сейчас невозможно. Неудивительно, что за выходом её книг пристально следят филологи и критики. “Творческая свежесть Саират проистекает из наблюдения за импульсивностью исторических перемен, разворачивающихся перед её удивлённым, недоумевающим, вопрошающим взором и в которых она сама участвует как частица социума”, — справедливо замечает Ризван Ризванов. Что ж, возмущаться, радоваться и горевать вместе с Саират — это действительно увлекательное занятие.

ПРОЧУВСТВУЙ МИР

Арбен Кардаш. Избранное: Стихи и поэмы. // Пер. с лезгинского языка. Мачкакала: ГАУРД “Дагестанское книжное издательство”, 2017.

Слово “Избранное” на обложке книги объемом в 416 страниц ко многому обязывает автора. Как минимум, в его творчестве должно быть достаточно произведений, из которых можно “избрать” лучшее для такого увесистого тома. В поэтическом “запаснике” Арбена Кардаша немало накоплено текстов за период от 1979 года до наших дней, именно этот временной отрезок представлен в книге. Мало того, это автор, охотно пишущий в разнообразных жанровых формах, а это качество само по себе не так часто встречается в наши дни. В “Избранном” мы видим рубаи, четверостишия, сцепки, эпиграммы и шутки, стихи для детей и даже поэмы.

Но к какому бы жанру ни обращался Арбен Кардаш, неизменно обращает внимание на важную особенность его творчества — уникальную способность к эмпатии. Для поэта любое живое существо — от горного цветка до человека — имеет абсолютную ценность. Он будто проецирует на своё авторское “я” все маленькие трагедии этого мира и сочувствует даже тюльпану, умирающему от зноя:

*Но влаги радужной струёю
Взлететь к тюльпану не дано.
Презрен он даже мошкарю,
Чья жизнь — мгновение одно.
(“Над бездной голый камень блещет...”)*

Мучения изгнанного из дома пса автор так проникновенно описывает в “Балладе о собаке”, что даже не сентиментального читателя этот текст непременно растрогает, особенно к финалу: “И вздрогнула, и затряслась, и слёзно заскулила: // Мертвел угрюмо на двери заржавленный замок...” Мертвеющий замок — символ чёрствости человека и безграничной любви бессловесного животного. И обратите внимание на жанр — баллада, не очень-то распространённая ныне, но даже и в 1981-м (год создания стихотворения) баллады встречались не часто.

Другое стихотворение – “Очередь” – это по сути восточная притча, “за-маскированная” в одежды поэтического слова:

*Однажды на базаре кто-то бойко
Цветами торговал с лугов альпийских,
И очередь огромная гудела.
Брались люди в толчее и давке.*

Здесь с помощью диалогов автор воссоздаёт бессмысленную, изматывающую суету базара. С этой же целью поэт отказывается от рифм, прибегая лишь к ритмическим приёмам (повторам, рефренам), позволяющим передать шум и разногласицу рыночной толпы:

*“Все, больше нет. Напрасно здесь не стой!”
И я домой задумчиво поплёлся
И безуспешно голову ломал:
“Так чем же, чем же, чем же торговали?”*

И в финале, как это и положено в притче, мы узнаем скрытый смысл истории: “Этот мир – базар огромный и неугомонный, // Где Время, словно тот старик седой, смерть раздаёт. . .” Ну, а люди в очереди “и ждут, и ждут неведомо чего. . . И я стою, как все”.

Как и многие поэты Дагестана, Арбен Кардаш в своём творчестве регулярно обращается к фольклору, к легендам и преданиям родной земли, раскрывая их красоту как для земляков, так и для читателей из других регионов. К примеру, не раз упоминается в этой книге Каменный мальчик – персонаж одноимённой лезгинской героической баллады, который на пути врага превращается в камень. Есть и стихотворение, посвящённое ему (оно так и называется “Каменный мальчик”), и ссылка на эту же легенду в поэме “Героическая сюита”, посвящённой кавалеру ордена Красной Звезды Ханбике Наврузовне Эмирсултановой, “которая ушла на фронт совсем юной девушкой и через всю войну пронесла платочек с горстью родной земли”* . Герои преданий, реальные защитники Родины прошлых веков и современница-героиня XX века одинаково восхищают поэта.

Фольклорные мотивы используются и в детских стихах, например, в “Мийир-Межер” рефреном через весь текст идёт устойчивое выражение, которое буквально значит “не делай дурного”, оно звучит, как поговорка, как наказ ребятишкам не шалить. Впрочем, в детских стихах Арбен Кардаш забывает о взрослых строгостях ради озорства и весёлых историй, таких, как в новогоднем стихотворении “Дорогой гость”:

*Ох, и жарко Деду стало!
И тогда-то, и тогда
Повалилась на пол шуба,
Полетела борода.*

*Мы, два братца и сестрица,
Так и замерли в углу:
Оказался Дед Морозом
Наш сосед Бутай-халу**.*

Конечно, в небольшой рецензии невозможно полноценно рассказать о творчестве столь многогранного поэта за столь большой период. Остаётся лишь добавить, что Арбен Кардаш проявил себя ещё и как прозаик, причём свои творческие принципы, последовательно воплощаемые в поэзии (обострённая способность к эмпатии, верность образам и символам родной культуры и т. д.), он перенёс и в прозаические произведения. Познакомиться с ними можно, прочитав, к примеру, его книгу “Танец поневоле” (Кардаш А. Танец поневоле. М.: Эпоха, 2011). После её прочтения становится ясно, что неважно, в каком жанре, в поэзии или прозе, пишет этот автор – Арбен Кардаш везде и всюду остаётся верен себе.

* Комментарий Арбена Кардаша.

** Халу – дядя.